Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-44-49
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

НАССЕР Надежда Хадеровна,
Магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия,
e-mail: vishenkakek23@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется проблематика международно-правовой ответственности государств в сфере химической безопасности в условиях политизации данного института. Актуальность работы обусловлена кризисом диалога государств и деятельностью Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), а также рисками повторения сценария геополитической эксплуатации существующих пробелов в праве, наблюдаемых в ходе сирийского и российско-украинского конфликтов. В работе критически анализируются коллизии норм международного права (Устав ООН) и «мягкого права» (Резолюция ОЗХО от 2018 г.) в части установления виновных в применении химического оружия, а также практика западных государств по реализации «коллективных мер» (ст. 12 КЗХО) как инструмента политического давления. На основе сравнительно-правового анализа судебной практики и позиций международных организаций обосновывается необходимость переосмысления подходов к правовой квалификации актов применения токсичных химикатов. Основным результатом исследования является разработка комплекса взаимосвязанных мер по совершенствованию механизма ответственности, включая имплементацию научных дефиниций на уровень «мягкого права» ООН, внесение конкретизирующих поправок в КЗХО и корректировку мандата ОЗХО с приоритетом роли Совета Безопасности ООН.*

Ключевые слова: *химическое оружие, международно-правовая ответственность, КЗХО, ОЗХО, политизация, химический терроризм, военные преступления, Совет Безопасности ООН, международное право.*

NASSER Nadezhda Khaderovna,
Master's Student Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY FOR THE USE OF CHEMICAL WEAPONS: MODERN CHALLENGES AND WAYS OF IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines the problems of international legal responsibility of states in the field of chemical security in the context of the politicization of this institution. The relevance of the work is due to the crisis of dialogue between states and the activities of the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (OPCW), as well as the risks of repeating the scenario of geopolitical exploitation of existing gaps in law observed during the Syrian and Russian-Ukrainian conflicts. The paper critically analyzes the conflicts between the norms of international law (the UN Charter) and "soft law" (the OPCW Resolution of 2018) regarding the identification of those responsible for the use of chemical weapons, as well as the practice of Western states in implementing "collective measures" (Article XII of the CWC) as a tool of political pressure. Based on a comparative legal analysis of judicial practice and the positions of international organizations the*

need to rethink approaches to the legal qualification of acts of using toxic chemicals is substantiated. The main result of the study is the development of a set of interrelated measures to improve the mechanism of responsibility, including the implementation of scientific definitions at the level of UN "soft law", the introduction of clarifying amendments to the CWC, and the adjustment of the OPCW mandate with priority given to the role of the UN Security Council.

Key words: *chemical weapons, international legal responsibility, CWC, OPCW, politicization, chemical terrorism, war crimes, UN Security Council, international law.*

Введение

Институт международно-правового регулирования запрещения химического оружия представляется в современных реалиях особенно актуальным и проблемным. Существующая архитектура химической безопасности содержательно универсализирована в политике нераспространения и запрета химического оружия в соответствии с Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (далее – КЗХО). Вместе с тем, с учетом текущей геополитической напряженности, практики решения конфликтов военным путем, современных случаев применения химического оружия и химических провокаций международно-правовой режим запрещения химического оружия требует глубокого переосмысления посредством выявления всего многообразия проблемных аспектов и наиболее эффективных способов их нивелирования.

Проблематика международно-правового регулирования запрещения химического оружия выражается в политизации сферы химической безопасности в условиях отсутствия унифицированного подхода на уровне доктрины, источников и правоприменительной практики к вопросу правовой квалификации форм применения химического оружия и механизма ответственности. Это влечет фривольное толкование химических провокаций в качестве casus belli государствами западного блока, кризис диалога государств и деятельности ОЗХО [8, с. 46]. Научный дискурс по данному вопросу акцентирует внимание на правовой проблематике противодействия соответствующим преступлениям [1, с. 557-559], геополитической подоплеке института ответственности [9, с. 18-19] и необходимости исследования деструктивных правовых последствий политизации [7, с. 15-22].

Материалы и методы

В целях выработки наиболее оптимальных способов разрешения обозначенной проблематики необходимо критически проанализировать ее сущностное многообразие. Методологическая основа исследования базируется на комплексе общенаучных и специально-юридических методов.

Прежде всего, используется диалектический метод, позволяющий рассмотреть проблематику международно-правовой ответственности в динамике и взаимосвязи с геополитическими процессами. Применение формально-юридического метода необходимо для анализа содержания ст. 12 КЗХО, Резолюции Конференции государств-участников КЗХО от 27 июня 2018 г. и их соотношения с гл. VII Устава ООН. Метод сравнительно-правового анализа применяется для сопоставления подходов международных организаций к вопросам химической безопасности и юрисдикции различных судебных органов. Историко-правовой метод используется для исследования прецедентов применения и расследования химических инцидентов в Сирии и Ираке. Также задействован метод системного анализа для формирования комплекса взаимосвязанных рекомендаций по совершенствованию механизма ответственности.

Результаты и обсуждения

Во-первых, вопросы правовой квалификации актов применения химического оружия, ответственности в связи с таковыми раскрыты в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (далее – КЗХО) поверхностно, несмотря на наличие специальной статьи 12 «Меры по исправлению положения и обеспечению соблюдения, включая санкции». Конвенцией предусмотрено полномочие Исполнительного совета ОЗХО вырабатывать рекомендации и предписания по прекращению нарушений, возможность по представлению данного органа ограничения прав и привилегий участников Конвенции в ответ на нарушения с их стороны на основании решения Конференции стран участниц. Кроме того, при наличии существенного ущерба актом в нарушение КЗХО Конференция рекомендует участникам применить коллективные меры ответственности, не конкретизируя их возможное содержание и пределы, соотношение с санкционным потенциалом СБ ООН. И только в особо исключительных и серьезных случаях предусматривается обращение Конференции за помощью к органам ООН, то есть регулятивный потенциал ООН рассматривается как факультативный и аддитивный несмотря на статус химического оружия как оружия массового поражения.

Сирийский конфликт показателен в плане демонстрации практики и рисков политизации. Так, по итогам международного расследования множественных опровергнутых и частично доказанных случаев применения токсичных химикатов в ходе сирийской гражданской войны стала очевидна несостоятельность и ангажированность механизмов реагирования и расследования ОЗХО, отсутствие с ее стороны адекватной реакции на политизацию химических инцидентов в Сирии в интересах стран запада. В частности, ОЗХО не провела должного расследования по факту обращения сирийского правительства в связи с первым химическим инцидентом в Алеппо 19.03.2013 г., и только в апреле 2014 г. с учетом последующих случаев применения химического оружия была создана Миссия по установлению фактов использования химического оружия в Сирии. В 2015 г. был сформирован институционально, но не содержательно более объективный формат – Совместный механизм ООН и ОЗХО по расследованию химических атак в Сирии (СМР) - во всех своих 7 докладах на основании вероятностных суждений, расплывчатых формулировок и доказательствах в виде свидетельских показаний и видеоматериалов установивших вину сирийского правительства и по сути квалифицировавших все акты применения химического оружия на 2015 г. как военные преступления САР в корреляции с западной риторикой и без учета возможности квалифицировать отдельные случаи применения токсических веществ как акты химического терроризма. Позднее В.А. Небензя, знаменуя общую критическую позицию России и Китая как членов СБ ООН по отношению к выводам СМР, назовет данный формат расследования «мертвым» в виду обозначенных пороков доказательной логики. Закономерен вывод о том, что базирующейся на содержании исследований Миссии ОЗХО формат СМР отличился изначальным пороком содержания в виду низкой эффективности деятельности ОЗХО и относительно объективной формой, выразившейся в полноправном участии России и Китая в данном формате с учетом его реализации на площадке ООН, что также подтверждается исторической важностью реализации этими государствами 29 августа 2013 г. права вето на резолюцию западных стран в СБ ООН, подразумевающую по сути военную интервенцию в Сирию «во имя мира», а также на резолюции по поводу введения санкций СБ ООН против Сирийской Арабской Республики (далее – САР) [7, с. 230-233]. Однако «химический казус белли» (Supotnitsky M.V., 2023) в обход полномочий Совета Безопасности ООН и с опорой на упомянутую ст. 12 все-таки был использован западными государствами после химического инцидента в Идлибе 4 февраля 2018 г.: в апреле 2018 г., ссылаясь на факт нарушения сирийским правительством КЗХО и угрозу национальным интересам США, Великобритания и Франция нанесли ракетные удары по военным объектам в Сирии, что очевидно противоречило принципам мирного урегулирования споров и неприменения силы, закрепленным в Уставе ООН, Заключительном акте СБСЕ 1975 г., Декларации ООН о принципах международного права 1970 г.

В этой связи, анализ случаев расследования на международно-правовом уровне предполагаемого применения химического оружия в ходе Гражданской войны в Сирии позволяет установить деструктивную причинно-следственную связь между поверхностным раскрытием форм и процедур механизма международно-правовой ответственности государств в ст. 12 КЗХО и, как следствие, неэффективным и ангажированным опытом расследования ОЗХО данных случаев, а также противоречащей нормам и принципам международного права практикой реализации ответственности Сирийской Арабской Республики.

Наряду с обозначенным пробелом нормативного регулирования в ст. 12 КЗХО, проблематику международно-правового режима запрещения химического оружия углубляет и коллизия между нормами международного права (гл. VII Устава ООН, п. 3 ст. 12 КЗХО) и нормами «мягкого права» (Резолюция Конференции государств-участников КЗХО от 27.07.2018 г.), которая существенно осложняет практику реализации института международно-правовой ответственности. Резолюция Конференции государств-участников КЗХО от 27 июня 2018 г., наделяющая ОЗХО мандатом установления виновных в применении химического оружия, п.3 ст. 12 КЗХО в части возможности применение коллективных мер (санкций) в ответ на нарушения в корреляции исключительным и прерогативным правом СБ ООН вводить санкций по случаю серьезных нарушений норм международного права на основании гл. 7 Устава ООН являют собой наложение иерархических и темпоральных коллизий: более новые, но иерархически слабые нормы упомянутой Резолюции, ст. 12 КЗХО прямо противоречат старым, но иерархически сильным нормам Устава ООН. Ранее проанализированный провальный опыт СМР как совместного формата ОЗХО и ООН, пагубного влияния односторонних ограничительных мер государств в связи с применением химического оружия в Сирии, а также применение силы западными странами в ответ на химические инциденты в Сирии с использованием широкий формулировки «коллективных мер» в КЗХО ярко доказывают последствия обозначенного пробела и выявленной коллизии.

Что же касается российско-украинского конфликта, то в этой связи стоит отметить, с уче-

том обозначенного геополитического фона расследования, правовой квалификации применения химического оружия и попыток реализовать ответственность сирийского правительства, важно рассматривать опыт деятельности ОЗХО и западных государств в период сирийского конфликта как потенциально реализуемый в ближайшей перспективе уже в рамках российского-украинского конфликта. Доказывает эту мысль позиция Постоянного представителя РФ при ОЗХО, Владимира Тарабрина, заявившего 15.07.2024 г. о возможной химической провокации со стороны западных государств и последующих попыток ограничить Россию в суверенных правах на манер того, как это было ранее реализовано в отношении САР.

В то же время существуют и позитивная практика, и рекомендательно-декларативное нормотворчество государств последних лет, направленные на выстраивание справедливой архитектуры химической безопасности и международно-правового режима запрещения химического оружия: в Заявлении членов ОДКБ от 11.12.2022 г. обозначена критика вольной интерпретации КЗХО. Аналогичная позиция отражена в Йоханнесбургской декларации БРИКС (23.08.2023) и Нью-Делийской декларации ШОС (04.07.2023). В рамках ЕС сохраняется приверженность подходу Стратегии от 12.12.2003 г. без акцента на рисках политизации.

Анализ международное судебной практики показывает, что история знает несколько случаев привлечения к ответственности в связи с применением химического оружия: квалификация Нюрнбергским трибуналом применения газа «Циклон-Б», попытки инкриминировать действия США во Вьетнаме, позиция Международного Суда ООН о недопустимости применения химоружия, выраженная в Консультативном заключении Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения N A/51/218, 19 июля 1996 г.

Показательно абстрагирование практики Международного уголовного суда в отношении вопросов привлечения к ответственности за акты применения токсичных химикатов, игнорирование проблематики актов химического терроризма. Римский статут, включая в компетенцию МУС разрешение дел по военным преступлениям, не предусматривает механизм эффективного противодействия актам применения химического оружия.

В этой связи важно отметить возможность рассмотрения в качестве более справедливой альтернативы бездействующему МУС национальные судебные механизмы ответственности за акты применения химического оружия. Так, в обособлении от геополитической подоплеки предыстории создания и функционирования Высшего Иракского трибунала нельзя не отметить важный прецедент квалификации применения химического оружия Ираком в Иракском Курдистане в 1998 г. (Операция «Аль-Анфаль», в частности атака в Халабдже) как военного преступления и привлечения к ответственности Хусейна Али Хасан аль-Маджида, непосредственно отдававшего преступные приказы против гражданского курдского населения, а также квалификацию как акта химического терроризма распыления зарина членами секты «Аум Синрикё» в токийском метро в 1995 г., вынесение в отношении террористов, соучастников и лидера секты смертного приговора [1, с. 558].

Идеи в поддержку развития национальной судебной системы в связи с разрешением военных преступлений в форме применения химического оружия находит отражение в Постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ № 41-18 от 28.11.2014 г. «О Рекомендациях по имплементации Конвенции 1993 года о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении в национальном законодательстве государств - участников СНГ», подразумевающей развитие национального уголовного законодательства стран СНГ в части криминализации актов применения химического оружия, включая вопросы их юридического состава, соучастия и применением принципа экстерриториальности при установлении юрисдикции. Подтверждают состоятельность такого более застрахованного от политизации подхода и доктринальные идеи о возможности применения ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» на уровне российской уголовной юстиции в контексте применения химического оружия украинскими военными [4, с. 53-54].

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер по нивелированию проблематики.

Во-первых, в целях превенции рисков политизации и геополитической эксплуатации института международно-правовой ответственности предлагается классифицировать акты применения химического оружия на военные преступления (объективная сторона: факты производства, накопления, сохранения, применения химического оружия, приготовления к его военному использованию и соучастие в данных действия; субъект и субъективная сторона: преступные приказы представителей государства, действия должностных лиц, а также стихийных формирования, бунтов, революционных масс и восстаний в условия неосмотрительности правящей власти) и преступления международного характера – химический терроризм (применение токсичных хи-

микатов террористами). Предлагается в качестве оптимального и жизнеспособного варианта внедрить данные категории на уровень мягкого права (доклад Комиссии ООН по разоружению либо соответствующая Резолюция ГА ООН или проект статей Комиссии международного права ООН с возможным названием «Международно-противоправные деяния с использованием токсичных химикатов»). Предлагаемые дефиниции содержательно базируется на общих нормах и ценностях КЗХО, а также подходе Комиссии международного права ООН, обозначенном в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния от 2001 г. Продвижение инициативы по заключению Конвенции против химического терроризма, что предлагалось Россией, также считается целесообразным.

Во-вторых, внесение конкретизирующих правок в п. 3 ст. 12 КЗХО. Необходима текстуальная конкретизация недопустимость применения силы как коллективной меры в условиях доказанности практикой отсутствия аксиологического напутствия во фразе «в соответствии с международным правом». Также ст. 12 КЗХО необходимо дополнить пунктом о возможности разрешения вопросов ответственности на уровне национальной юрисдикции, что минимизирует политические риски.

В-третьих, корректировка мандата ОЗХО с точки зрения сужения полномочий ОЗХО предлагать обвиняемых на утверждение СБ ООН при условии проведения совместных расследований ОЗХО и ООН во всех случаях, а не только исключительных с учетом действующей редакции ст. 12 КЗХО.

Обсуждение. Дискуссионным остается вопрос о механизме имплементации предложенных дефиниций в национальное законодательство государств. Требует дополнительной проработки и механизм взаимодействия ОЗХО и СБ ООН в части совместных расследований, учитывая опыт СМР, который показал, что даже институциональное присутствие ООН не гарантирует объективности, если содержание расследования изначально ангажировано. Вместе с тем, как верно отмечает М.В. Супотницкий, именно формат с участием России и Китая в СБ ООН позволил предотвратить военную интервенцию в 2013 году, что доказывает необходимость институциональной интеграции ООН и ОЗХО на постоянной основе.

Заключение

Таким образом, комплексный анализ проблематики института международно-правового обеспечения запрещения химического оружия доказывает реальный деструктивный эффект политизации. Предложенные методы – научная проработка и имплементация на уровне «мягкого права» вопросов правовой квалификации, внесение поправок в КЗХО, специальное конвенциональное нормотворчество в части криминализации химического терроризма, а также корректировка мандата ОЗХО путем интеграции механизмов сотрудничества с СБ ООН – в совокупности восполняют пробелы КЗХО, нивелируют риски политизации и геополитического манипулирования, обеспечивая надежду на справедливую, устойчивую к политическим рискам архитектуру химической безопасности.

Список литературы:

[1] Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 3., с. 541-563.

[2] Жуков, И. Н. Историко-правовой анализ становления права международной безопасности как отрасли международного права / И. Н. Жуков // Право и правосудие в современном мире : Сборник научных статей молодых исследователей, Санкт-Петербург, 29–30 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. – С. 227-232. – EDN NFVAPZ.

[3] Лысенко, М. Н. К вопросу о правомерности применения военной силы иностранными государствами (на примере Сирии) / М. Н. Лысенко // Московский журнал международного права. – 2018. – № 3. – С. 65-71. – DOI 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71. – EDN YQCTWP.

[4] Модестов, С. А. Политико- правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции / С. А. Модестов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2022. – № 2. – С. 52-59. – EDN ENVWPN.

[5] Моисеев, Д. А. Химическое оружие в вооружённых конфликтах и последствия его применения / Д. А. Моисеев, В. Т. Сибагатуллин, Ю. Л. Попов // Научный аспект. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 2239-2247. – EDN OVZZZO.

[6] Пунжин, С. М. Требования к имплементационному законодательству в Конвенции о запрещении химического оружия и их реализация на практике / С. М. Пунжин // Московский журнал международного права. – 1996. – № 4. – С. 28-45. – DOI 10.24833/0869-0049-1996-4-28-45. – EDN SJVBOM.

[7] Пунжин, С. М. Химическое оружие и международное право: Монография / С. М. Пунжин. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-466-00410-6. – EDN RYRQWN.

[8] Супотницкий М.В., Химическое оружие на Ближнем Востоке. – М.: Издательство «Наше завтра», 2023., 451 с.

[9] Толстопятенко Г.П., Малиновский А.А.,

Агеев С.С. Правовые основы санкционной политики Великобритании // Сравнительная политика. 2022. № 1-2., с. 12-24.

[10] Фатеенков, В. Н. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении: история подписания, основные положения / В. Н. Фатеенков // Вестник войск РХБ защиты. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 104-115. – DOI 10.35825/2587-5728-2020-4-1-104-115. – EDN MRLPBV.

References:

[1] Abashidze A.Kh., Malichenko V.S. Features of regulation of circulation of dual-use biotechnologies under international and national law // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2023. No. 3., p. 541-563.

[2] Zhukov, I. N. Historical and legal analysis of the formation of international security law as a branch of international law/I. N. Zhukov // Law and justice in the modern world: Collection of scientific articles by young researchers, St. Petersburg, March 29-30, 2024. - St. Petersburg: LLC Center for Scientific and Information Technologies Asterion, 2024. - S. 227-232. – EDN NFVAPZ.

[3] Lysenko, M.N. To the question of the legality of the use of military force by foreign states (on the example of Syria)/M.N. Lysenko // Moscow Journal of International Law. – 2018. – № 3. - S. 65-71. – DOI 10.24833/0869-0049-2018-3-65-71. – EDN YQCTWP.

[4] Modestov, S. A. Political and legal aspects of the fight against terrorism in the framework of a special military operation/S. A. Modestov // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. – 2022. – № 2. - S. 52-59. – EDN ENVWPN.

[5] Moiseev, D. A. Chemical weapons in armed conflicts and the consequences of their use/ D. A. Moiseev, V. T. Sibagatullin, Yu. L. Popov // Scientific aspect. – 2024. - T. 18, NO. 1. - S. 2239-2247. – EDN OVZZZO.

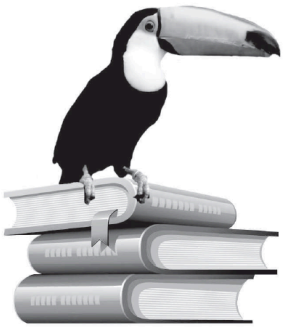
[6] Punzhin, S. M. Requirements for implementation legislation in the Convention on the Prohibition of Chemical Weapons and their implementation in practice/S. M. Punzhin // Moscow Journal of International Law. – 1996. – № 4. - S. 28-45. – DOI 10.24833/0869-0049-1996-4-28-45. – EDN SJVBOM.

[7] Punzhin, S. M. Chemical Weapons and International Law: Monograph/S. M. Punzhin. - Moscow: Volters Kluver, 2009. - 432 p. - ISBN 978-5-466-00410-6. – EDN RYRQWN.

[8] Supotnitsky M.V., Chemical Weapons in the Middle East. - M.: Publishing house "Our Tomorrow," 2023., 451 p.

[9] Tolstopyatenko G.P., Malinovsky A.A., Ageev S.S. Legal foundations of the UK sanctions policy // Comparative policy. 2022. No. 1-2., p. 12-24.

[10] Fateenkov, V. N. Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction: History of Signing, Main Provisions/ V. N. Fateenkov // Bulletin of the RCB Protection Troops. – 2020. - T. 4, NO. 2. - S. 104-115. – DOI 10.35825/2587-5728-2020-4-1-104-115. – EDN MRLPBV.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.